

Анатолий Шигапов

СВЕТЛЫЙ МАЙК И СЕРДЦЕ ВСЕЛЕННОЙ 10.0.

Светлый Майк

Анатолий Шигапов

**СВЕТЛЫЙ МАЙК И
СЕРДЦЕ ВСЕЛЕННОЙ 10.0.**

«Автор»

2026

Шигапов А.

СВЕТЛЫЙ МАЙК И СЕРДЦЕ ВСЕЛЕННОЙ 10.0. /

А. Шигапов — «Автор», 2026 — (Светлый Майк)

Всё когда-нибудь заканчивается. Даже бесконечные приключения Светловых. Кофеварка, молчавшая месяц, вдруг загорается всеми цветами сразу: вселенная начала схлопываться, и до катастрофы остаётся 72 часа. Единственный шанс на спасение - добраться до Сердца Вселенной и перезапустить его. С пирожками, конечно. Впереди - последнее путешествие. Пираты с крюками вместо рук и попугаем-телепатом, забытые боги, которые прячут ключ к мирозданию в холодильнике, планета вечного праздника, где от счастья теряют память, и туманы, в которых время сходит с ума. Громы готовят свой легендарный фальшивый дуэт, бабушка печёт стратегический запас, а Павлик всё ещё пытается запихнуть в рюкзак веник. Финал, который ждали десять книг. Смогут ли Светловы перезапустить вселенную, если последний пирожок уже съеден? И что важнее — спасение мира или просто возможность снова сидеть на кухне всей семьёй? Ответ прост: главное - чтобы рядом были те, кого любишь. И пирожки. Пирожки обязательно.

© Шигапов А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Шигапов

СВЕТЛЫЙ МАЙК И СЕРДЦЕ ВСЕЛЕННОЙ 10.0.

Книга десятая (финальная)

«СВЕТЛОВЫ И СЕРДЦЕ ВСЕЛЕННОЙ»

или «Как мы чуть не проспали конец света, встретили космических пиратов, подружились с богами, забывшими свои имена, и спасли всё сущее последней партией пирожков»

Автор. Вечно попадающий в истории, вечно не высыпавшийся, но теперь ещё и уставший от бесконечных перелётов, однако довольный, что всё хорошо кончается.

«Знаете, есть такой момент, когда ставишь точку в последней главе и понимаешь: всё. Позади десять томов, сотни персонажей, тысячи страниц и миллионы выдуманных пирожков. Сидишь и смотришь в монитор, а в голове тишина. Даже Громы молчат – и те притихли. И тут бабушка заходит с половником и говорит: «Ты чего застыл? Пирожки стынут». И ты понимаешь: история закончилась, а жизнь – нет. И это, наверное, самое правильное чувство.» – Из личного дневника автора, запись после финала

Дорогой читатель!

Если ты держишь в руках эту книгу (или смотришь на экран, или слушаешь аудиовersion, лёжа в гамаке на даче, или, может быть, читаешь её через тысячу лет в каком-нибудь архиве древней литературы – привет, потомки, надеюсь, у вас там тоже есть пирожки!), значит, мы с тобой прошли этот путь вместе. От первой страницы до последней. От первого пирожка до последнего. От первого мигания кофеварки до её финального, прощального сигнала.

Я сижу сейчас за своим столом. За окном ночь. Где-то вдалеке лает собака, соседи сверху снова ругаются (кто будет выносить мусор – вечный вопрос), а на кухне тихо урчит кофеварка. Та самая. Которая больше не мигает. Просто варит кофе. И это, наверное, самое удивительное чувство – осознать, что всё закончилось.

– Эй, автор! – слышу я знакомый голос из кухни. – Ты долго ещё? Пирожки остывают!

Это Павлик. Конечно, он здесь. Они все здесь. Майк, Аня, бабушка, дед, оба Громы, Чих, Светик, Саксония, Полозов... они никогда не уходят по-настоящему. Они сидят на моей кухне, пьют чай и ждут, когда я допишу последние строки.

– Иду! – кричу я в ответ, но пальцы продолжают стучать по клавиатуре.

– Не верь ему, – слышен ворчливый голос Громова-старого. – Он всегда так говорит. А потом ещё три часа пишет.

– Учись, молодой, – добавляет он, обращаясь к Грому-молодому. – Вот так и рождаются книги. Из недосыпа и обещаний.

– Я запомню, – отвечает молодой.

– Ты ничего не запомнишь, ты молодой, у тебя память как решето.

– А ты старый, у тебя склероз.

– Это опыт, а не склероз!

Бабушка звонко шлёпает половником по столу. Даже здесь, в моём воображении, этот звук заставляет всех замолчать.

– Прекратите ворчать оба! – говорит она. – Лучше скажите, сколько сахара в чай класть?

– Три ложки! – кричит Павлик.

– Две! – поправляет Аня.

– Одну, – вздыхает Майк. – Я вообще без сахара пью.

- А я вообще не пью, я читаю, – доносится голос Чиха с подоконника.
- Чих, ты опять с книгой на кухне? – возмущается бабушка. – Крошки же везде!
- Я аккуратно. Я миллион лет тренировался.

Светик заливается розовым смехом, Саксония подыгрывает на саксофоне. Идиллия.

А я сижу и слушаю их. Десять книг. Десять лет. Если честно, я сам до конца не верю, что это случилось. Когда-то давно, в другой жизни, я просто сел и написал маленькую забавную историю про семью, которая случайно открыла портал в космос. Думал – ну, позабавлюсь пару недель, выложу в сеть, и забудут. Кто мог знать, что из этого вырастет нечто такое большое, такое живое, такое... родное?

Я помню тот вечер. Сидел на кухне, пил чай, смотрел на мигающую кофеварку (она тогда просто мигала, без всяких порталов) и думал: «А что, если?..» И написал первую главу. За час. На одном дыхании. А потом вторую. И третью. А через месяц у меня была готова первая книга.

Я выложил её в интернет. И забыл.

А через неделю пришло первое письмо.

«Здравствуйте! Я случайно наткнулся на вашу историю. Не мог оторваться, читал всю ночь. А когда будут ещё главы?»

Я перечитал письмо раз пять. Потом позвонил другу.

– Серёга, мне тут письмо пришло.

– И что?

– Пишут, что им понравилось.

– Так это ж круто! Чего сидишь? Пиши дальше!

И я написал. Ещё одну книгу. И ещё. А письма всё приходили. Их становилось больше. Кто-то хвалил, кто-то ругал, кто-то просил, чтобы Громов ворчал поменьше (я не послушался). А кто-то писал: «Спасибо. У меня была тяжёлая неделя, а ваша книга подняла настроение».

И я понимал: это оно. Это то, ради чего стоит не спать ночами.

Сейчас, десять книг спустя, я получил последнее письмо. Ну, как последнее – последнее на эту серию. Оно было коротким: «Спасибо за всё. Я вырос на этих книгах. Теперь буду читать своим детям».

Я загрустию. Честно. Сидел и грустил, как Павлик, когда у него отбирают последний пирожок.

– Ты чего? – спросила бабушка, заглядывая в комнату (уже не книжная, а настоящая, которая пришла проведать внука).

– Ба, я дописал.

– И чего грустишь?

– Не знаю. Радость, наверное.

– Радость, грустят только дураки, – сказала она и протянула мне пирожок. – На, ешь. Пирожки всё лечат.

Я съел. Помогло. Как всегда.

Спасибо тебе, читатель. Это первое и самое главное, что я хочу сказать. Ты был рядом всё это время. Ты писал мне письма – длинные и короткие, восторженные и критичные. Ты ругал меня за ошибки (и я их исправлял), хвалил за удачные шутки (и я довольно улыбался). Ты спрашивал, когда продолжение, и я, закатывая рукава, садился за новую главу. Ты верил в Светловых так же, как верил в них я. Без тебя эти книги так и остались бы файлами в моём компьютере, пылящимися в папке «Черновики». Ты дал им жизнь. Ты дал им дом.

Спасибо моей семье. Моим родителям – маме и папе. Мама, спасибо за то, что читала мои первые, ещё детские рассказы и говорила: «Сынок, это гениально!», даже когда это были жалкие каракули про космических зайцев. Ты научила меня не бояться чистого листа. Ты всегда верила, даже когда я сам сомневался. Помнишь, как я принёс тебе первую книгу? Ты прочитала за ночь, а утром сказала: «А где вторая?». И я понял: надо писать. Папа, спасибо за твоё

терпение, когда я забрасывал тебя вопросами «А как устроен гипердвигатель?» и «А может ли кофеварка открыть портал?». Ты всегда находил ответы, даже если их не существовало. Ты говорил: «Сынок, в твоей вселенной может быть всё, что ты захочешь». И я хотел.

Моей сестре. Ты – мой самый строгий критик и самый верный друг. Ты первая прочитала первую книгу целиком и сказала: «Ну, нормально. Пиши дальше». Для меня это было выше всяких похвал. Ты ворчишь на меня, как Громов, когда я забываю позвонить, и радуешься за меня, как Павлик, когда получает пятёрку (хотя пятёрки он получает редко). Спасибо, что ты есть. И спасибо, что не выдала меня маме, когда я ночами писал, хотя должен был спать. Помнишь, как мы сидели на кухне и ты говорила: «А давай, пусть Громов сделает вот так!» – и это становилось лучшей сценой в книге?

Моим братьям и сёстрам. Вы те, с кем я рос, ссорился, мирился, делил последний пирожок (ну ладно, не последний, но предпоследний). Вы спрашивали: «А про нас напишешь?» И я писал. В каждом персонаже есть частичка каждого из вас. Павлик – это наше общее детство, Аня – наша общая ответственность, Майк – наше общее желание, чтобы все были счастливы. Помните, как мы играли во дворе, придумывали свои миры и верили, что космос рядом? Он и был рядом. Спасибо вам.

Моим племянникам (цам). Вы те, ради кого хочется писать сказки. Вы ещё маленькие, но уже спрашиваете: «А дядя, а Громов правда такой вредный? А пирожки правда такие вкусные?» Подрастёте – прочитаете. И надеюсь, улыбнётесь. Я писал эти книги ещё и для того, чтобы у вас было что почитать, когда станет грустно. Чтобы вы знали: даже если всё плохо, всегда есть семья и пирожки. А Громовы будут ворчать, но никогда не бросят.

Моей бабушке. Ба, ты не просто прототип, ты – душа этой серии. Твои пирожки, твоя мудрость, твой половник, которым ты грозила меня побить, если я не лягу спать – всё это вошло в книги. Помнишь тот день, когда я сказал, что пишу про тебя? Ты только вздохнула и спросила: «С капустой или с мясом?» Я тогда подумал, что ты не поняла. А теперь понимаю: ты поняла всё. Ты поняла, что если есть пирожки, то любая история становится доброй. Спасибо тебе, ба. За всё.

Моему деду. Дед, ты – гениальный безумец, человек, который умудрился подключить кофеварку к спутниковой антенне и утверждал, что так и было задумано. Ты научил меня не бояться ломать вещи, потому что их всегда можно починить. И даже если нельзя – можно придумать что-то новое. Твоя уверенность, твои инструменты, твой вечный запах пайки и металла – всё это живёт на страницах этих книг. Помнишь, как мы вместе чинили старый радиоприёмник? Ты сказал: «Главное – найти правильную деталь». Я искал её десять книг. И кажется, нашёл.

Моим тётям и дядям. Спасибо, что вы были рядом, что поддерживали, что не смеялись, когда я говорил, что пишу книгу. Вы спрашивали: «Ну что, твой Громов всё ещё ворчит?» Да, ворчит. И будет ворчать вечно. Как и положено. Спасибо за вашу веру.

Моим двоюродным братьям и сёстрам – нас много, и я люблю вас всех – мы росли вместе, делили каникулы у бабушки, играли в прятки и ели те самые пирожки. Вы спрашивали: «А про нас напишешь?» И я писал. В каждом приключении, в каждой шутке, в каждом пирожке есть частичка нашего общего детства. Спасибо, что вы есть.

Всем родственникам, которых я не перечислил поимённо – нас большая семья, и я боялся кого-то забыть. Если я не назвал ваше имя – это не значит, что я о вас забыл. Это значит, что вы есть в этой книге. В каждом персонаже, в каждой сцене, в каждом пирожке. Потому что семья – это не список имён. Это чувство. И оно живёт в этих страницах.

Моим друзьям. Вы читали мои черновики и делали вид, что вам нравится, даже когда я приносил вам очередную главу в два часа ночи. Вы ругали меня за ошибки, хвалили за удачные шутки и не давали бросить это дело. Помнишь, Анвар, как ты сказал: «Слушай, а давай, пусть

Громов будет не один, а два? Один старый ворчун, другой молодой – будет кому учиться». И я вставил это в девятую книгу. И это стало лучшим решением. Без вас я бы давно сдался.

Коллегам – тем, с кем я работал все эти годы, кто удивлялся, как можно совмещать работу и писательство, и не увольнял меня, когда я засыпал на планёрках. Вы говорили: «Ты опять не спал? Под глазами мешки как у Громова после битвы». И смеялись. Спасибо, что создавали атмосферу, в которой можно было творить.

Другим авторам – тем, кто тоже пишет, кто мучается бессонницей, кто правит по сто раз одну главу и всё равно не доволен. Мы все вместе делаем этот мир чуточку добрее и интереснее. Я читал ваши книги, я вдохновлялся вами, я завидовал вашим удачным ходам и учился на ваших ошибках. Особенное спасибо тем, чьи книги я зачитывал до дыр в детстве и чьи герои стали для меня примером. Вы знаете, кто вы. Без вас не было бы Светловых.

Издателям и редакторам – тем безумцам, которые соглашались печатать эти книги, несмотря на то, что я постоянно срывал сроки, добавлял новые главы в последний момент и менял концовки после того, как вёрстка уже была готова. Спасибо за терпение, за веру в Светловых и за то, что не выгнали меня из издательства с криками «Только не ещё одна глава!». Отдельное спасибо моему редактору – герою, святому человеку, который правил мои тексты и делал вид, что не замечает, как я вставляю одни и те же шутки про пирожки в каждую главу. Ты говорил: «Опять пирожки?» А я отвечал: «Пирожки – это философия». И ты кивал.

Историкам – тем, кто изучает прошлое и помогает нам не забывать, откуда мы пришли. В этой серии мы много путешествовали во времени и поняли, как важно помнить каждый миг. Спасибо вам за то, что сохраняете память для будущих поколений. Даже если в ваших архивах нет записей о том, как Громов в молодости чуть не подорвал военную базу, или как мы кормили динозавров пирожками – поверьте, это чистая правда. Просто документы засекречены. Или потеряны во временных парадоксах.

России – стране, где родились Светловы, где пекут самые вкусные пирожки, где даже обычное утро может обернуться космическим приключением. Спасибо тебе за твои бескрайние просторы, за твою историю, за твоих людей – удивительных, терпеливых, смешных, героических. За то, что даже в самые тёмные времена мы не теряем надежды и веры в лучшее. За то, что есть где развернуться фантазии. Мы – часть тебя. А ты – часть нас.

Тем, кого нет с нами – вы ушли, но каждый раз, когда я писал новую главу, вы были рядом. Ваши голоса звучали в моей памяти, ваши советы помогали принимать решения, ваша любовь согревала даже в самые холодные ночи. Эти книги – и для вас тоже. Я знаю, вы бы гордились. И знаю, что там, где вы сейчас, тоже есть пирожки. Наверное, с капустой. Вы их всегда любили.

Читателям из будущего – если вы читаете эти книги через сто, тысячу или миллион лет – знайте, что мы здесь, в двадцать первом веке, тоже любили пирожки, смеялись над Громовым и верили, что семья – это главное. Надеюсь, у вас там тоже есть пирожки. И если вы встретите путешественников во времени, передайте привет Светловым. Они обязательно к вам заглянут.

И, конечно, самим героям. Майку, Павлику, Ане, бабушке Зине, деду Игнату, Громовым – обоим, старому и молодому, Чиху, Светику, Саксонии, Полозову, Жуже, дяде Васе, Созидателям, Корректору времени, пиратам с планеты Хэви-Металл и их попугаю Кеше, жителям Планеты Забытых Имен, богам Амон-Ра, Бел-Мардуку и Вишну, стражам Сердца Вселенной, тёте Зое, Семёнычу, двойникам из параллельного мира и всем-всем-всем, кто появлялся на страницах этих книг. Вы живёте в моей голове уже много лет, и я надеюсь, что не выселитесь оттуда никогда. Хотя иногда там становится тесно. Спасибо, что не давали мне скучать. Спасибо, что были рядом в бессонные ночи. Спасибо, что спорили, мирились, любили, ворчали и ели пирожки.

– Эй, автор! – снова кричит Павлик из кухни. – Ты там заснул, что ли? Иди уже, всё равно допишешь завтра!

– Не завтра, – отвечаю я. – Сегодня. Сейчас.

– Ну давай, мы ждём. Пирожки правда остывают. Бабушка новую партию достала.

Я слышу, как на кухне звенят чашки, как Громы спорят о том, кто будет наливать чай, как Чих чихает от счастья, как Светик светится в такт музыке Саксонии. Я слышу жизнь. Мою жизнь. Нашу жизнь.

И кофеварка молчит. Просто стоит и варит кофе. Как обычная кофеварка. И это прекрасно.

Знаешь, читатель, есть такое ощущение, когда закрываешь за собой дверь. Вроде бы идёшь дальше, но обязательно оглядываешься. Я буду оглядываться. На первую книгу, где всё только начиналось. На десятую, где всё закончилось. На твои письма, на наши разговоры, на этот долгий путь.

Но дверь я оставляю открытой. Если захочешь – всегда можешь войти. Светловы никуда не делись. Они всё так же сидят на кухне, пьют чай и едят пирожки. Бабушка печёт новые. Громы ворчат. Чих читает. Светик светится. Места хватит всем.

Просто открой любую книгу – и ты снова с ними.

А я, наверное, пойду выплусь. Наконец-то.

С огромной благодарностью и последним пирожком,

твой автор

Анатолий Шигапов

P.S. Кофеварка молчит. Но это хорошее молчание. Такое бывает, когда всё сделано правильно.

P.P.S. Если вдруг услышите, что где-то замигало – не удивляйтесь. Это жизнь продолжается. Может быть, новая история уже ждёт за углом. Или за порталом.

P.P.P.S. А пирожки, как известно, вечны. Как и наша память. Как и наша любовь.

P.P.P.P.S. Ну всё. Точка.

P.P.P.P.P.S. Или многоточие?..

– Автор! – это уже Майк. – Хватит уже постскриптумов! Иди чай пить!

Иду.

«Говорят, дорога домой всегда длиннее, чем ты думаешь. А когда твой дом вот-вот схлопнется вместе со вселенной, дорога становится не просто длинной, а бесконечной. Мы погрузились на «Медузу», прихватили пирожки и отправились в самый безумный круиз в истории. Нас ждали пираты, которые грабят только тех, у кого есть варенье; цивилизации, забывшие свои имена; и древние боги, которые помнят только одну фразу: «А пирожки с чем?». Спойлер: мы справились. А куда бы мы делись?»

Пролог. Красный сигнал

(или Как мы узнали, что вселенная решила уйти на пенсию, и что пирожки – наше единственное спасение

«За все девять книг кофеварка мигала разными цветами: красным – когда мы стирали галактику, золотистым – когда нас звали в гости, сиреневым – когда время сошло с ума. Но чтобы она замигала ВСЕМИ цветами сразу – такого не было никогда. Мы сидели на кухне, пили чай, и вдруг кофеварка устроила такое светопреставление, что даже Громы перестали ворчать. А потом на экранчике появились слова: «ВНИМАНИЕ! ВСЕЛЕННАЯ СХЛОПЫВАЕТСЯ. ОСТАЛОСЬ 72 ЧАСА. СПАСЕНИЕ – В СЕРДЦЕ ВСЕЛЕННОЙ. ПИРОЖКИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫ». Бабушка только вздохнула: «Ну вот, опять». И добавила: «А я ведь чувствовала, что надо было больше муки брать.»

Прошло три месяца после того, как мы подружились с Корректором времени и вернули молодого Громова в семью. Три месяца тишины, покоя и относительного счастья. Если не считать, что два Громова на одной кухне – это отдельный вид вселенского хаоса.

– Ты не туда соль сыплешь! – орал старый Громов, наблюдая, как молодой пытается самостоятельно посолить суп. – Соль сыпят щепоткой, а не горстью! Это тебе не вражеский аванпост штурмовать!

– А ты вообще молчи, – огрызнулся молодой. – У тебя руки трясутся, ты половину просыплешь.

– Руки у меня трясутся от твоей бестолковости, а не от старости!

– Ага, конечно. Вон, бабушка говорит, что у тебя склероз.

– Это не склероз, это избирательная память! Я помню только важное!

– А что ты помнишь важного?

– Что вы все без меня пропадёте!

– Так, хватит! – рявкала бабушка, входя с половником. – Оба марш на балкон ворчать! Там место неограниченное, хоть до посинения спорьте. А суп я сама досолою.

Громовы, понурившись, уходили на балкон, и оттуда ещё долго доносилось приглушённое ворчание, похожее на гул трансформаторной будки.

– Они когда-нибудь уgomонятся? – спросил Павлик, отрываясь от учебника алгебры, который лежал перед ним раскрытым на одной и той же странице уже третью неделю.

– Никогда, – ответил Чих, не отрываясь от книги «Как пережить конец света и не подавиться пирожком». – Я за миллион лет таких экземпляров не встречал. Они будут ворчать даже на том свете. Если, конечно, тот свет существует.

– А что, есть сомнения? – насторожился Павлик.

– После всего, что мы видели, у меня сомнения во всём, – философски заметил Чих. – Кроме пирожков. В них я уверен.

Аня сидела за столом и строчила в дневнике. Девятый том уже подходил к концу, и она готовилась к десятому, финальному. Полозов заглядывал ей через плечо и делал пометки в своём блокноте.

– Аня, вы опять меня обгоняете по страницам, – ныл он. – У меня уже комплекс неполноценности развивается.

– Полозов, у тебя не может быть комплекса неполноценности, – отмахивалась Аня. – Ты же летописец. Летописцы выше этого.

– Выше, но не настолько, – вздыхал он и продолжал писать.

Светик и Саксония играли дуэтом на подоконнике. Он светился нежно-розовым, она перебирала клавиши саксофона, и мелодия лилась такая уютная, что даже Громовы на балконе на минуту замолкали.

Дед Игнат возился с кофеваркой. За три месяца он добавил ей столько функций, что теперь она умела не только варить кофе и открывать порталы, но и стирать носки, гладить рубашки, делать массаж спины и даже играть в шахматы. Правда, в шахматы она играла нечестно – постоянно жульничала, переставляя фигуры, когда никто не видел.

– Дед, она опять меня обыграла, – жаловался Павлик. – Я поставил мат, а она взяла и передвинула короля.

– А ты не зевай, – советовал дед. – Она любит, когда за ней следят. Это у неё характер такой.

– Характер, – ворчал Павлик. – У кофеварки характер. Куда катится мир.

Бабушка пекла пирожки. Много, очень много, на всякий случай. Противни сменяли друг друга, и к вечеру кухня наполнялась таким ароматом, что соседи заглядывали в окна и просили хотя бы понюхать.

– Зина, ты чего столько печешь? – спросила как-то тётя Зоя, заглянув на огонёк. – Армию кормить собралась?

– На всякий случай, – загадочно отвечала бабушка. – Чует моё сердце, пригодятся.

– Сердце у неё чует, – хмыкнула тётя Зоя. – У меня тоже сердце чует, что вы опять куда-то вляпаетесь.

– Не каркай, Зоя.

– Я не каркаю, я предупреждаю. Разница есть.

В общем, жизнь текла спокойно и размеренно. Настолько спокойно, что это начинало пугать даже тех, кто никогда не пугался.

– Громов, – сказал я как-то утром, встретив старого Громова на кухне. – Вам не кажется, что слишком тихо?

Он сидел за столом, задумчиво жевал пирожок и смотрел в окно. Услышав мой голос, он медленно повернулся и уставился на меня своим фирменным взглядом, от которого у преступников подкашивались колени.

– Кажется, – мрачно ответил он. – Подозрительно тихо. Я аж волнуюсь. Даже ворчать расхотелось.

– Это плохой знак, – заметил Чих, откладывая книгу. – Когда Громову расхотелось ворчать, значит, либо он заболел, либо грядёт нечто ужасное.

– Я не заболел, – буркнул Громов. – Здоров как бык. Хотя бык, наверное, здоровее.

– Значит, второе, – резюмировал Чих.

– А ты не волнуйся, – сказал молодой Громов, появляясь в дверях с кружкой чая. Он пытался скопировать интонацию старого, но получалось скорее пародия, чем копия. – Всё под контролем. Мы же герои, в конце концов.

– Молодой, ты бы помалкивал, – проворчал старый. – Ты ещё не знаешь эту семью. Если тихо – значит, завтра будет очень плохо. Я за сто лет службы это усвоил.

– За сто? – удивился Павлик, входя на кухню с балалайкой. – Громов, вам же всего двадцать пять... ну, в одном экземпляре.

– Душа старая, – буркнул Громов. – Наворчался за двоих.

– А я? – спросил молодой. – Моя душа молодая.

– Твоя душа ещё не нюхала пороху, – отрезал старый. – Вот когда понюхаешь, тогда и поговорим.

– А я уже нюхал! В той временной петле, помнишь?

– То было не по-настоящему.

– А по-настоящему когда будет?

– Скоро, – мрачно сказал старый, и в этот момент кофеварка замигала.

Сначала красным. Потом синим. Потом зелёным. А потом всеми цветами радуги одновременно. Она пульсировала, как сердце в припадке, и издавала такие звуки, что у Чиха шерсть встала дыбом, Светик засветился тревожным фиолетовым, а Жужа, спавшая на подстилке, подпрыгнула и залилась лаем.

– Дед! – закричал Павлик, выронив балалайку. – Что с ней?!

Дед Игнат, который как раз пил чай, поперхнулся и вскочил. Метался вокруг кофеварки с отвёрткой в одной руке и паяльником в другой, но явно не знал, за что хвататься.

– Не знаю! – кричал он. – Она никогда так не делала! Я таких режимов даже не закладывал! Это что-то новенькое!

– Может, у неё день рождения? – предположил Светик.

– У кофеварок не бывает дней рождения, – отрезал Чих.

– А у меня вот есть, – обиженно сказал Светик. – Хотя я тоже программа.

– Ты особый случай.

На экранчике высветились слова, которые Светик прочитал дрожащим голосом, и с каждым словом его свечение становилось всё тревожнее:

«ВНИМАНИЕ! ОБНАРУЖЕНО КРИТИЧЕСКОЕ ИСТОЩЕНИЕ ЭНЕРГИИ ВСЕЛЕННОЙ. ВСЕЛЕННАЯ НАЧНЁТ СХЛОПЫВАТЬСЯ ЧЕРЕЗ 72 ЧАСА. ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ СПАСЕНИЯ – ДОСТИЧЬ СЕРДЦА ВСЕЛЕННОЙ И ПЕРЕЗАПУСТИТЬ ЕГО. КООРДИНАТЫ: ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИЗВЕСТНЫХ ГАЛАКТИК. ПИРОЖКИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫ».

– 72 часа? – переспросил Павлик. – Это много или мало?

– Для спасения вселенной – катастрофически мало, – ответил Чих, поправляя пенсне дрожащей лапкой. – Особенно если учесть, что путь туда занимает 48 часов в лучшем случае.

– А в худшем?

– В худшем мы не успеем. И вселенная схлопнется. Вместе с нами.

– Вместе с пирожками? – уточнил Павлик.

– Вместе со всем.

Пауза. Тишина. Даже Громы перестали дышать.

– Тогда надо спешить, – резюмировал Павлик.

Бабушка, как всегда, сохраняла полное спокойствие. Она вытерла руки о фартук, поправила платок и оглядела нас всех своим фирменным взглядом, который не раз поднимал армии в атаку и заставлял врагов отступать.

– Ну что, Светловы, – сказала она. – Опять нам вселенную спасать. В десятый раз. Пирожков я напекла, муки взяла с запасом. Громы, вы с нами?

– А то, – ответили оба Громова хором, и даже прозвучало это почти синхронно.

– Светик?

– Я всегда с вами, – засветился он. – И Саксония тоже. Мы без вас никуда.

– Чих?

– А куда ж я денусь, – вздохнул Чих, закрывая книгу. – Без меня вы там такого натворите, что потом миллион лет разгребать. Я слишком стар для этого, но выбора нет.

– Аня, Павлик, Майк?

– Мы готовы, – ответили мы хором.

– Дед?

– Кофеварка со мной, – кивнул дед, поглаживая своё детище, которое всё ещё переливалось всеми цветами, но уже спокойнее. – Она теперь наш штурман. Правда, дорогая?

Кофеварка мигнула в ответ. Казалось, она тоже понимала серьёзность момента.

– Тогда в путь.

Мы вышли во двор. Там, на импровизированной стоянке, стояла наша «Медуза» – старый, потрёпанный, но любимый корабль, который дед за годы приключений довёл до ума. Теперь он мог не только летать, но и печь пирожки прямо в гипердрайве, а ещё у него был режим «невидимость». Правда, работал он только тогда, когда никто не смотрел, и только если очень попросить.

– Красавица, – сказал дед, поглаживая обшивку. – Не подведи нас.

«Медуза» мигнула огнями в ответ. Казалось, она тоже соскучилась по приключениям.

– Прощай, Земля, – сказал Павлик с пафосом, оглядывая двор, где прошло его детство, где каждый уголок был пропитан воспоминаниями.

– Ты чего? – удивилась Аня. – Мы же вернёмся.

– А вдруг? – Павлик пожал плечами. – Надо прощаться по-человечески. Вдруг в последний раз.

– Не каркай, – одёрнула бабушка. – Вернёмся. Куда ж мы денемся. У меня ещё пирожки не допеклись. Я их в дорогу взяла, но это только первая партия.

Мы погрузились на борт. «Медуза» взревела двигателями, оторвалась от земли и через минуту уже была в космосе. В иллюминаторе мелькнула тётя Зоя, машущая платком, и Полозов, строчащий что-то в блокноте – наверное, главу «Как Светловы в последний раз отправились спасать вселенную».

– Интересно, что он пишет? – задумался Павлик.

– Наверное, наш некролог, – мрачно пошутил Громов-старый. – На всякий случай.

– Громов, не каркай, – одёрнула бабушка.

– Я не каркаю, я констатирую факты. У него блокнот всегда наготове.

– У него блокнот наготове с первой книги. И ничего, живём.

– Пока живём, – философски заметил Чих.

«Медуза» летела вперёд, к Сердцу Вселенной. Звёзды за стеклом казались такими близкими и такими чужими одновременно. Где-то там, за пределами известных галактик, ждала разгадка. Ждал финал.

– А знаете, – сказал вдруг Майк, – я почему-то уверен, что всё будет хорошо.

– С чего бы? – спросил Павлик.

– Потому что мы вместе. А вместе мы уже столько всего пережили. И вселенную стирали, и время чинили, и с богами чай пили. Что нам какое-то Сердце?

– Логично, – кивнул Чих. – Хотя в моей практике были случаи, когда именно уверенность и губила.

– Чих, не нагнетай.

– Я не нагнетаю. Я предупреждаю.

– Это разные вещи?

– В моём возрасте – да.

Мы рассмеялись. Даже Громовы улыбнулись. А «Медуза» летела вперёд, оставляя за собой шлейф из пирожковых крошек, которые почему-то светились в темноте.

Впереди было путешествие к Сердцу Вселенной.

Впереди были пираты, забытые боги и древние цивилизации.

Впереди был финал.

Но это уже совсем другая история.

Глава 1. Последний пирожок на Земле

(или Как мы собирались в дорогу, и почему бабушка взяла три мешка муки, Громовы чуть не разнесли квартиру, а Павлик пытался запихнуть в рюкзак веник, и у него почти получилось)

«Сборы в нашей семье – это отдельный вид искусства, граничащий с катастрофой. Бабушка пекла пирожки так, что дым стоял коромыслом и соседи думали, что мы открыли пекарню. Дед разговаривал с кофеваркой на «вы» и уговаривал её не ломаться в самый ответственный момент. Громовы спорили, кто главнее, и в ход пошли не только слова, но и бластеры. Павлик пытался запихнуть в рюкзак балалайку, учебник алгебры (для веса) и веник, и, кажется, у него почти получилось. Аня рыдала над дневником, понимая, что это последняя глава. Чих читал книгу «Как пережить конец света и не подавиться пирожком» и делал пометки на полях. А я просто смотрел на это и думал: «Как мы вообще до сих пор не взорвали всю планету?» И, кажется, в этот раз мы были близки к этому как никогда.»

Утро перед отлётом началось не с рассвета, а с того, что бабушка врубила духовку на полную мощность в половине пятого утра. Весь дом наполнился таким ароматом, что даже соседи,

которые обычно спали до десяти, повысовывались из окон и принюхивались, как собаки, почуявшие дичь.

– Зина, ты чего творишь? – донёлся грозный голос тётки Зои с третьего этажа. – У меня внуки проснулись! Думают, что рай наступил! Они теперь есть хотят, а у меня только вчерашний суп!

– Пусть привыкают! – крикнула бабушка в форточку, не прекращая колдовать над тестом. – Может, это их последний шанс понюхать настоящие пирожки перед концом света!

– Опять конец света? – вздохнула тётка Зоя так, будто это было рядовое событие, вроде субботника. – Ну у вас и жизнь... Я за солью зайду попозже! И за пирожками!

– Заходи, Зоя! – крикнула бабушка. – На всех хватит! Если мы, конечно, не умрём до вечера.

На кухне творилось нечто невообразимое. Противни сменяли друг друга с космической скоростью. Бабушка, облачённая в свой легендарный фартук с надписью «Половник – моё второе я», металась от плиты к столу и обратно с грацией балетной примы. Пирожки с капустой, с мясом, с яблоками, с творогом, с вишней, с картошкой, с грибами, с крапивой (бабушка экспериментировала), с чем-то ещё, что пахло так загадочно, что даже Чих, который обычно не интересовался едой, отложил книгу «Микробиология для чайников» и принялся.

– Бабушка, это что за запах? – спросил он, подходя ближе и нервно подёргивая носом. – Я за миллион лет такого не встречал. Это что-то новое? Какая-то неизвестная науке специя?

– Это секретный ингредиент, – таинственно ответила бабушка, подмигнув. – Валерианка. Для успокоения нервов. Вдруг в Сердце Вселенной будет шумно и страшно. Съедем пирожок – и сразу спокойно.

– Валерианка в пирожках? – переспросил Чих, и его усы затряслись. – Это же усыпительное! Мы же заснём прямо в космосе!

– Вот именно. Если что – съедем по пирожку и заснём. А проснёмся – глядишь, всё уже само рассосалось. Вселенная, она умная, сама разберётся.

– Бабушка, ты гений, – восхищённо сказал Чих. – Стратегический запас снотворного на случай паники. Я запишу этот рецепт в свою книгу.

– Записывай, милый, записывай. Пригодится.

Павлик, привлечённый ароматом, выполз из своей комнаты в пижаме, с взлохмаченными волосами, похожими на гнездо космической птицы, и сонными глазами, которые, однако, мгновенно приобрели хищное выражение при виде гор пирожков.

– Бабушка! – завопил он, бросаясь к столу. – Ты зачем столько? Мы же не съедем!

– А вдруг там есть нечего? – ответила бабушка, ловко шлёпнув его по руке половником, когда он уже почти схватил пирожок с крапивой. – Руки помой сначала! Вдруг там, куда мы летим, микробы такие, что от грязных рук вселенная быстрее схлопнется?

– Бабушка, микробы в космосе не живут, – авторитетно заявил Чих, водружая на нос пенсне и принимая учёный вид. – Там вакуум. А в вакууме, как известно, никто не живёт. Кроме тараканов, но это отдельная история, которую я расскажу как-нибудь за чашкой чая.

– А ты откуда знаешь? Ты там был? – прищурилась бабушка, продолжая ловко лепить пирожки.

– Был, – вздохнул Чих, и его голос приобрёл мечтательные нотки. – Миллион лет назад. Летал по разным галактикам, изучал местную флору и фауну. Там действительно микробов нет. Зато есть пыльца космических цветов. На неё у меня жуткая аллергия. Я тогда три года чихал, пока не нашёл антидот. Чихал так, что одна маленькая планета даже изменила орбиту. Её жители до сих пор празднуют День Великого Чиха. Представляете? Они каждый год надевают противогазы и чихают хором.

– Тогда чихать будешь в платок, – строго сказала бабушка, протягивая ему носовой платок с вышитыми цветочками и надписью «Светловы навсегда». – Чтобы пирожки не заляпать.

У меня каждая крошка на счету. Эти пирожки могут спасти вселенную. Или хотя бы поднять нам настроение в трудную минуту.

– Понял, – кивнул Чих и уткнулся обратно в книгу, но платок предусмотрительно положил рядом, на всякий случай.

Павлик тем временем улизнул в ванную, наспех ополоснул руки (больше для профформы, чем для гигиены) и вернулся уже с мокрыми волосами, но сияющий, как начищенный самовар. Бабушка, сжалившись над его страданиями, протянула ему пирожок с мясом.

– На, ешь. Последний раз на Земле, между прочим.

– Почему последний? – с набитым ртом спросил Павлик, и крошки полетели во все стороны, приземляясь на пол, на стол и даже на голову Чиху.

– Потому что следующие будем есть в космосе. А это, считай, другие ощущения. Невесомость, знаешь ли, меняет вкус.

– А как? – заинтересовался Павлик, проглатывая пирожок и тут же хватая следующий.

– Говорят, пирожки в невесомости кажутся слаще, – вмешался Чих, стряхивая крошки с головы. – Я однажды пробовал. Правда, это были не пирожки, а космические галеты, но принцип тот же. Они плавали вокруг меня, и я ловил их ртом. Было весело, но крошки потом месяц из скафандра вытряхивали.

В углу кухни дед Игнат возился с кофеваркой, и это было зрелище, достойное отдельной главы. Он разложил перед собой целый арсенал инструментов: отвёртки всех размеров, паяльники с разными насадками, мультиметр, который пищал на разные голоса, какие-то микросхемы, рассыпанные по полу, и даже стетоскоп, которым он прикладывался к корпусу и слушал, что творится внутри, с видом заправского кардиолога.

– Дед, что с ней? – спросил я, подходя ближе и с ужасом глядя на разобранный агрегат, который за годы приключений стал нам почти родным. Кофеварка лежала на столе в полной беспомощности, её внутренности были выставлены напоказ, и это зрелище напоминало вскрытие в морге.

– Боюсь, не выдержит, – признался дед, вытирая пот со лба рукой, испачканной в машинном масле и канифоли. – Столько лет верой и правдой служила, порталы открывала, галактики стирала, джаз играла, массаж спины делала, шахматы жульничала... а теперь такой рывок. Сердце Вселенной – это вам не шутки. Там такие перегрузки, что даже я не уверен в её прочности. Она может просто не выдержать.

– А что с ней? – забеспокоился Светик, подходя и кладя лапку на кофеварку. Он замер, прислушиваясь к её внутренним вибрациям, и его свечение начало меняться – от спокойного золотистого к тревожному фиолетовому, а потом и к синему. – Она... она волнуется. Я чувствую. Она боится.

– Волнуется? – удивился дед. – Кофеварка? С каких пор?

– У неё есть душа. Я же говорил. – Светик говорил тихо, почти шёпотом. – Она боится, что не справится. Что подведёт нас в самый ответственный момент. Что её энергии не хватит, чтобы открыть портал в Сердце Вселенной. Но она очень хочет помочь. Она говорит... – Светик замер, вслушиваясь, и его свечение стало мерцать, как пульс. – Она говорит, что это её последняя миссия. Самая важная. И что она сделает всё, чтобы мы долетели. Даже если придётся сгореть.

– Последняя? – насторожился дед. Голос его дрогнул, и я впервые увидел в его глазах что-то похожее на страх. – Ты хочешь сказать, она...

– Ну, главная, – быстро поправился Светик, заметив реакцию деда. – Самая главная. А после неё можно и на пенсию. Как дядя Вася. Будет стоять на полочке, кофе варить и вспоминать былые приключения. Может, даже мемуары напишет.

Дед вздохнул, погладил кофеварку по корпусу и прошептал: «Ну, давай, родная. В последний раз. Не подведи. Я в тебя верю». Кофеварка мигнула в ответ – один раз, но так ярко, что на миг показалось, будто она улыбнулась.

Из коридора донеслись крики, от которых, казалось, задрожали стены. Громы снова спорили. На этот раз громче обычного. Намного громче. Казалось, они готовы были сойтись в смертельной схватке.

– Я главный, потому что старше! – орал старый Громов, размахивая бластером так, что искры летели во все стороны. – У меня опыта больше! Я сто лет службы! Я такие операции проворачивал, что тебе и не снилось! Я в одиночку брал крейсера!

– А я главный, потому что у меня больше перспектив! – парировал молодой, тоже хватаясь за оружие и принимая боевую стойку. – Ты уже старый, тебе на пенсию пора! Ворчать на балконе! А я ещё молодой, полный сил и идей! У меня рефлекс быстрее! Я быстрее стреляю!

– Перспектив у него! – старый Громов аж покраснел от возмущения, и его усы встали дыбом. – Ты ещё не нюхал пороха! Ты в настоящей перделке не был! Ты даже не знаешь, как пахнет жжённый антимагнетизм!

– А ты уже нюхал, и теперь от тебя пахнет нафталином! И махоркой! И ещё чем-то старческим, из детства! Из музея!

– Это опытом пахнет, щенок! Опыт, который тебе и не снился!

– Это пенсией пахнет! И склерозом! Ты, наверное, уже забыл, как бластер перезаряжать! И где у него предохранитель!

– Молодой, договоришься у меня!

– А что ты мне сделаешь? У тебя спина болит! Ты даже бластер ровно навести не можешь! Стреляешь, как бабушка половником – куда попало! А если попадёшь – то по своим!

– Да я в твоём возрасте...

– В моём возрасте ты ещё под стол пешком ходил и в песочнице играл! У тебя даже бластера не было!

– У меня была рогатка! И я из неё лучше стрелял, чем ты из своего новомодного бластера!

В коридор выглянула бабушка с половником в одной руке и скалкой в другой. Её лицо не предвещало ничего хорошего. Она стояла в дверях, как статуя возмездия, и молча смотрела на перепалку.

– А ну цыц оба! – рывкнула она так, что у Громовых, кажется, волосы зашевелились (у старого – усы, у молодого – ещё жидкая щетина). – Ещё раз услышу ваши перепалки – останетесь на Земле! И будете с тётёй Зоей чай пить и обсуждать, как мы там без вас справляемся! Она вам такой скандал устроит – мало не покажется! Она умеет, я знаю!

Громы мгновенно заткнулись и, как провинившиеся школьники, поплелись на кухню, пряча бластеры за спины.

– Чай будете? – миролюбиво спросила бабушка, протягивая им по пирожку. – Пирожки с вишней. Вишня успокаивает. И валерианка там тоже есть, на всякий случай.

– Будем, – буркнули оба хором и уселись за стол, сверля друг друга взглядами, но уже без прежней агрессии.

Павлик тем временем носился по комнате, пытаясь утрамбовать рюкзак. Это было зрелище не для слабонервных, достойное кисти художника-сюрреалиста. Рюкзак лежал на кровати, раздутый до невероятных размеров, и из него торчали самые неожиданные предметы. Казалось, он вот-вот лопнет по швам.

Инвентаризация содержимого рюкзака Павлика:

балалайка (разумеется, её он ни за что не оставил бы, даже под угрозой смерти),

три пары носков (одна пара оказалась Анина, но Павлик делал вид, что не замечает, и отводил глаза),

учебник алгебры (который он брал «для веса», но на самом деле втайне надеялся, что в Сердце Вселенной найдутся мудрецы, которые решат за него все задачи, и он наконец-то сдаст экзамен, а может, даже получат стипендию),

запасные струны для балалайки (три комплекта, на всякий случай, потому что струны имеют привычку рваться в самый неподходящий момент),

огромный пакет с пирожками (тайком стащенный с кухни, когда бабушка отвернулась, чтобы шлёпнуть Громовых),

фонарик (почему-то три штуки, разных размеров и мощностей),

компас (на всякий случай, хотя в космосе он бесполезен, но Павлик верил в чудеса),

фотография всей семьи в тяжёлой деревянной рамке (трогательно, но рамка была стеклянная, тяжёлая и занимала полрюкзака),

и почему-то старый веник, который Павлик нашёл в чулане и решил, что он absolutely необходим в космическом путешествии.

– Павлик, зачем тебе веник? – спросила Аня, наблюдая за этим бедламом с выражением лёгкого ужаса на лице и отвращения.

– А вдруг там будет, чем мести? – логично ответил Павлик, продолжая пихать веник глубже, отчего рюкзак жалобно застонал.

– Где «там»?

– Ну, в Сердце Вселенной. Вдруг там грязно? Вдруг там пыль веков накопилась? А мы придём такие, а мести нечем! Неприлично! Надо же поддерживать чистоту в сакральных местах!

– Павлик, в Сердце Вселенной не бывает грязно, – терпеливо объяснила Аня, закатывая глаза. – Там только энергия и, возможно, древние пирожки. По легенде.

– А вдруг энергия в виде пыли? Как на старых чердаках?

Чих, не выдержав, закатил глаза и отложил книгу:

– Я за миллион лет не встречал пыли в сакральных местах. Там всё стерильно. Как в операционной. Даже чище. Там даже бактерии не живут, потому что энергия их испепеляет. А пыль – тем более.

– А вдруг они любят уют? – не сдавался Павлик и продолжил пихать веник в рюкзак, который уже трещал по швам и издавал подозрительные звуки.

– Павлик, у нас есть Светик. Он будет светить. Свет – это и есть уют. А веник – это пережиток прошлого. Оставь его здесь.

– Свет – это свет, а веник – это веник, – резонно заметил Павлик. – Вещи разные. Светом не подметёшь.

Бабушка, зашедшая проверить сборы, только покачала головой и всплеснула руками:

– Павлик, положи веник обратно в чулан. Лучше возьми носки. Носки в космосе нужнее. Там холодно. Очень холодно. А у тебя ноги мёрзнут.

– Носки у меня есть! – гордо заявил Павлик, указывая на торчащие из рюкзака синие носки. – Три пары! Целых три!

– А где? – спросила Аня, заглядывая в рюкзак и внезапно бледнея. – Это же мои носки! Те, что мне бабушка связала на прошлый Новый год! С оленями!

– Твои? – Павлик сделал удивлённое лицо, настолько фальшивое, что даже Чих хмыкнул и покачал головой. – А почему они у меня?

– Потому что ты их стащил! Из моей комнаты!

– Я думал, это мои! Они же синие!

– У тебя все носки серые! Всегда были серые! Ты даже в школу в серых ходишь! И они все дырявые!

– Ну, синий – это почти серый... – попытался оправдаться Павлик, но Аня уже выдёргивала свои носки из рюкзака, и тот от этого маневра чуть не развалился.

Павлик обиженно засопел, но тут же нашёл замену – засунул в образовавшуюся пустоту ещё один пакет с пирожками, который достал из-за пазухи, где прятал его всё это время.

– Павлик, пирожки я отдельно упакую, – сказала бабушка, заметив его манёвр. – В специальный термоконтейнер, который дед смастерил из старого холодильника. А то ты их по дороге съешь, и мы прилетим к Сердцу Вселенной с пустыми руками. А без пирожков, как известно, перезапуск невозможен.

– Я бы не съел, – обиженно сказал Павлик, но в его голосе не было ни грамма уверенности, а глаза предательски бегали.

– Ты бы съел, – хором ответили все присутствующие, включая даже Светика, который обычно никого не осуждал, и Саксонию, которая просто кивнула в такт.

Павлик вздохнул с трагическим выражением лица и вытащил пакет обратно, но одну руку держал за спиной, и мы все подозревали, что один пирожок он всё-таки спрятал в карман.

Через три часа непрерывной суety, споров, перепакровок и мелких катастроф (дед случайно уронил микросхему в тесто, но бабушка ловко её выловила половником и сказала, что «так даже питательнее, микроэлементы»; Громыч чуть не подрался из-за того, чей бластер круче, и пришлось вызывать Чиха для арбитража; Светик перегрелся и его пришлось охлаждать мокрым полотенцем) мы наконец были готовы.

Бабушка упаковала:

три мешка муки (на случай, если придётся печь на месте, прямо в Сердце Вселенной),
два мешка сахара (один рафинад, один песок – для разных целей и для разных пирожков),
ящик дрожжей (разных видов, включая сухие, свежие и даже какие-то древние, найденные в бабушкиных запасах, которым было лет двадцать, но бабушка утверждала, что «дрожжи не портятся, они только крепчают и становятся более опытными»),

пять литров подсолнечного масла (на всякий случай, вдруг жарить придётся),

килограмм соли (потому что без соли никуда),

три килограмма яблок (сушёных, для начинки, чтоб было),

два килограмма капусты (квашеной, в банках, чтоб не прокисла),

и бесконечное количество готовых пирожков в специальных герметичных контейнерах, которые дед смастерил из старых кастрюль, скотча, любви и нескольких космических технологий.

Дед упаковал кофеварку в антивандальный чехол, который сшила бабушка из старых штор, снятых с окон в гостиной. Чехол был украшен вышивкой «Счастливого пути», маленькими пирожками и надписью «В случае потери вселенной вернуть по адресу». Кофеварка довольно мигнула из-под ткани.

Громыч, устав спорить, просто взяли свои бластеры, запасные обоймы, гранаты, ножи и прочий арсенал, и молча сели в кресла в прихожей, всем своим видом показывая, что они готовы, но всё ещё дуются друг на друга и не разговаривают. Старый демонстративно отвернулся, молодой делал вид, что чистит бластер.

Павлик с трудом застегнул рюкзак (балалайка всё равно торчала наружу, и из-под клапана виднелся край веника, который он всё-таки умудрился пронести контрабандой, спрятав его под курткой и прикрыв учебником алгебры). Он выглядел крайне довольным собой.

Аня взяла дневник, десять запасных ручек, три блокнота для заметок, фотоаппарат и диктофон – на случай, если придётся записывать важные сообщения, и запасные батарейки ко всему этому.

Чих – стопку книг (он взял целых пять: «Теория относительности для начинающих», «Кулинарная книга путешественника», «Как выжить в космосе без скафандра», «Мифы и легенды о Сердце Вселенной» и «Дневник Чиха: том 42»).

Светик и Саксония – свои инструменты и запасные батарейки для свечения, а также несколько кристаллов, которые Светик использовал для усиления света и создания спецэффектов.

– Всё? – спросил я, оглядывая команду, стоящую в прихожей с вещами, готовую к отбытию.

– Всё, – ответили все хором, но как-то неуверенно, переглядываясь.

– Точно всё?

– Аптечку взяли? – спросила Аня, хлопая себя по карманам.

– Взяли, – ответила бабушка, показывая на свою сумку. – Там и бинты, и йод, и валидол, и валерьянка, и ещё много чего.

– Зубные щётки?

– Взяли, – вздохнул дед. – Даже две. И пасту.

– Половник?

– Он всегда со мной, – бабушка погладила свой главный инструмент, который висел у неё на поясе, как у ковбоя кольт. – Без него я как без рук.

– Тогда в путь.

Мы вышли во двор. Там нас уже ждали. Но это уже совсем другая история, которая начинается прямо сейчас.

Глава 2. Прощание с теми, кто остаётся

(или Как тётя Зоя впервые в жизни не стала креститься, увидев Светика, а Полозов зачитал три варианта эпитафии и чуть не довёл всех до слёз)

«Прощание – это всегда грустно. Но когда тебя провожает тётя Зоя с трёхлитровой банкой варенья, Полозов с блокнотом наготове, Семёныч с мешком картошки, и целая толпа двойников из параллельного мира, грусть как-то отступает. Особенно когда понимаешь, что они будут ждать тебя с пирожками. А если не вернёшься – Полозов уже написал три варианта эпитафии и репетирует выражение лица. На всякий случай. Чтобы не ударить в грязь лицом перед скорбящей общественностью.»

Когда мы вышли во двор, нас уже ждали. Честно говоря, я ожидал, что провожающих будет немного – ну, тётя Зоя, Полозов, может быть, Семёныч из мясного павильона. Но реальность превзошла все ожидания.

Во дворе собралась, кажется, вся улица. Соседи выглядывали из окон, сидели на лавочках, стояли группами и обсуждали предстоящее событие с таким оживлением, будто мы отправлялись не спасать вселенную, а на курорт в Сочи.

– А вон тот, светящийся, это кто? – слышался чей-то шёпот.

– Это Светик, программа бывшая, теперь почти человек, – отвечали знающие.

– А два одинаковых деда с бластерами?

– Это Громы. Один старый, другой молодой. Долгая история.

– А бабушка с половником?

– Это главная. Её все боятся. Даже Громы.

Тётя Зоя стояла в первом ряду, как командир парада. В руках она сжимала трёхлитровую банку варенья, и вид у неё был такой решительный, будто она собралась лично штурмовать Сердце Вселенной, если мы там задержимся.

Рядом с ней переминался с ноги на ногу Полозов, нервно листая блокнот и что-то бормоча себе под нос. По выражению его лица можно было понять, что он репетирует.

Чуть поодаль расположились наши двойники из параллельного мира – целая делегация во главе с Майком-2, Павликом-2, Аней-2 и Громым-2 (который, кажется, уже успел поссориться с нашим Громым-молодым, хотя они даже не обменялись ни словом).

– Ничего себе, – присвистнул Павлик, оглядывая толпу. – Нас провожать пришло больше народу, чем на день города.

– Это потому что день города бывает каждый год, – заметил Чих, поправляя пенсне. – А конец света – событие эксклюзивное. Такое не каждый день увидишь.

– Мы не на конец света, мы его предотвращать едем, – поправила Аня.

– Для зрителей разницы никакой, – философски заметил Чих. – Главное – зрелище.

Тётя Зоя, заметив нас, решительно направилась к трапу, оттеснив плечом какого-то любопытного зеваку.

– Стойте! – скомандовала она, и мы послушно замерли. – Я с вами не простилась.

– Тётя Зоя, мы же только что на кухне виделись, – удивилась бабушка.

– То было на кухне, а это официально, – отрезала тётя Зоя. – На публике. Совсем другое дело.

Она подошла к Ане и торжественно вручила ей трёхлитровую банку варенья. Банка была закатана так старательно, что, казалось, её можно было использовать как космический снаряд.

– Тётя Зоя, спасибо, – растроганно сказала Аня, принимая банку и чуть не уронив её от тяжести. – Но оно не разобьётся в полёте? В невесомости всё летает, знаете ли.

– Моё варенье не разбивается, – гордо заявила тётя Зоя, и в её голосе прозвучала такая уверенность, что даже Громы перестали спорить и прислушались. – Оно даже чёрные дыры засахаривает. У меня экспериментальным путём проверено.

– Экспериментальным? – удивился Павлик. – Тётя Зоя, вы что, с чёрными дырами экспериментировали?

– А то, – тётя Зоя загадочно улыбнулась. – В молодости всякое бывало. Не всё ж вам приключения искать. Если что – кинете банку в дыру, она закроется. Главное – не промахнитесь.

– Спасибо, учтём, – серьёзно кивнул Павлик, и я заметил, как он мысленно прикидывает, можно ли будет использовать варенье не только по прямому назначению, но и как оружие.

Тётя Зоя перевела взгляд на Светика, который скромно стоял в сторонке, держа Саксонию за лапку, и светился нежно-розовым. Обычно при виде светящегося зверька тётя Зоя крестилась и бормотала что-то про «нечистую силу». Но сейчас она просто смотрела на него с каким-то новым, незнакомым выражением.

– А ты, светлячок, – сказала она вдруг, и в её голосе не было ни капли прежнего страха, – береги их. Ты у них самый ответственный. Я за вами всеми давно наблюдаю. Ты хоть и светишься, а душа у тебя добрая. Настоящая.

Светик от неожиданности засветился так ярко, что даже солнце, кажется, померкло на секунду.

– Я... я постараюсь, тётя Зоя, – пролепетал он. – Обещаю.

– То-то же. – Тётя Зоя вдруг шагнула к нему и... перекрестила. Впервые без ужаса, без дрожи в руках, а просто с теплотой. – Возвращайтесь все. Живыми и с пирожками.

Саксония, тронутая до глубины души, заиграла на саксофоне трогательную мелодию, и многие соседи начали вытирать глаза.

– Ладно, хватит сантиментов, – тётя Зоя махнула рукой и отступила, уступая место Полозову.

Полозов вышел вперёд, торжественно развернул блокнот и откашлялся. На его лице застыло выражение человека, который сейчас будет зачитывать приговор, но очень надеется на помилование.

– Семён Семёнович, вы что там написали? – насторожилась бабушка.

– Я тут набросал несколько вариантов развития событий, – начал Полозов, и голос его звучал непривычно официально. – Учитывая непредсказуемость вашей миссии и возможные риски для жизни и здоровья, я, как официальный летописец семьи Светловых, подготовил три варианта финала для десятой книги.

– Три варианта? – удивился Павлик. – Зачем?

– На всякий случай, – пожал плечами Полозов. – Летописец должен быть готов ко всему. Итак, вариант первый: вы успешно добираетесь до Сердца Вселенной, перезапускаете её и возвращаетесь домой с триумфом. В этом случае я опубликую книгу под названием «Светловы: герои галактики».

– А другие варианты? – спросил я, чувствуя, как внутри зашевелилось нехорошее предчувствие.

– Вариант второй: вы добираетесь до Сердца Вселенной, но перезапуск происходит не совсем удачно, и вы застреваете во временной петле. Тогда книга будет называться «Светловы: вечные странники».

– А третий? – тихо спросила Аня.

Полозов замялся, но всё же продолжил:

– Третий вариант: вы не возвращаетесь. Вообще. – Он сделал драматическую паузу. – В этом случае я опубликую посмертное издание под названием «Светловы: последний рубеж». С иллюстрациями и факсимиле ваших дневников. И с эпитафией.

– С эпитафией? – переспросил Громов-старый. – И что там написано?

Полозов прокашлялся и торжественно прочитал:

– «Здесь покоятся Светловы. Они ушли, но пирожки остались. Вечная память и вечная выпечка».

– Полозов! – возмутилась бабушка. – Ты что, похороны нам готовишь?

– Я просто предусматриваю все варианты, – оправдывался Полозов. – Это моя работа! Я же летописец!

– Летописец ты наш горе-писатель, – вздохнула бабушка. – Лучше пожелай нам удачи, а некрологи побереги для себя.

– Удачи! – быстро сказал Полозов и спрятал блокнот за спину.

Двойники из параллельного мира, наблюдавшие эту сцену, наконец решились подойти ближе. Майк-2 протянул мне руку. Мы были похожи как две капли воды, только у него на лице застыло выражение лёгкой тревоги, а у меня, наверное, такое же.

– Удачи, брат, – сказал он. – Мы будем следить за вами. Если что – зовите. У нас там целый параллельный мир в запасе.

– Спасибо, – ответил я, пожимая его руку. – Если что – позовём.

– Лучше не надо, – честно признался он. – У нас там своих проблем хватает. Но для вас – всегда пожалуйста.

Павлик-2 подошёл к нашему Павлику и протянул ему... запасные струны для балалайки.

– На, держи, – сказал он. – У нас таких много. Вдруг порвёшь в самый ответственный момент.

– Спасибо, брат, – растрогался наш Павлик. – Я тоже что-то должен тебе дать на память. Он порылся в рюкзаке и извлёк оттуда... веник.

– Вот, держи. Это тебе. Вдруг пригодится.

Павлик-2 с недоумением уставился на веник.

– Зачем?

– Ну, мало ли. Вдруг мести что-то надо будет. А веник – вещь полезная.

– Спасибо... – неуверенно сказал Павлик-2 и взял веник, явно не понимая, зачем он ему, но не желая обидеть.

Аня-2 подошла к нашей Ане и протянула ей новую обложку для дневника. Обложка была расшита бисером и украшена надписью «Дневник Светловых. Том 10. Финальный».

– Это тебе, – сказала она. – Чтобы последний том был самым красивым.

- Спасибо, – Аня обняла её. – Вы тоже берегите себя.
- Громов-2 подошёл к нашим Громовым и окинул их оценивающим взглядом.
- Значит, это вы те самые знаменитые Громовы, – сказал он. – Один старый ворчун, другой молодой, подающий надежды.
- Сам ты ворчун, – буркнул старый Громов.
- А я, между прочим, тоже ворчу, – заметил молодой.
- Вижу, – усмехнулся Громов-2. – Но до нас вам далеко. Мы в параллельном мире ворчим профессионально. У нас даже соревнования есть.
- Соревнования по ворчанию? – удивился старый Громов.
- А то. Я, между прочим, трёхкратный чемпион.
- Ну, это мы ещё посмотрим, – загорелся молодой Громов. – Может, когда-нибудь встретимся на турнире.
- Обязательно, – кивнул Громов-2. – Если выживете, конечно.
- Громовы, прекратите! – рявкнула бабушка. – Мы ещё не улетели, а вы уже о смерти говорите!
- Это не о смерти, это о ворчании, – поправил старый Громов, но спорить не стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.